

ординации работ в области исторической лексикологии русского языка.

В. Н. Калиновская

**«НА КАКУЮ НОГУ» ЖИЛИ В XIX веке?
(МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ
РУССКОГО ЯЗЫКА XIX века)**

Знакомство с текстами XIX в., созданными в разное время и различными по своим жанрово-стилистическим характеристикам, позволяет говорить о продуктивности отдельных структурно-фразеологических моделей в литературно-письменном языке этого периода. К числу таких фразеологизмов, обращающих на себя внимание, относятся устойчивые сочетания, которые можно объединить в рамках одной стереотипной модели: *на какую ногу / на какой ноге*. Целесообразность объединения отдельных единиц в «фразеологические серии» (термин В. Л. Архангельского) была доказана исследованием конкретного фактического материала (например, работы М. Ф. Палевской по исторической фразеологии)¹, в лексикографии подтверждена опытом составления Словаря русского языка XVIII века (описание лексической сочетаемости). Фразеологи отмечают особую эффективность подобной методики при исследовании исторического материала². Высокая степень обобщения разнообразных языковых фактов позволяет показать динамику и механизмы образования новых фразеологических единиц на базе одной модели и одновременно отразить эволюцию (формирование) нормы в этом процессе. Такой подход к представлению фразеологии наилучшим образом отвечал бы условию реализации *модели употребления*, заявленной в качестве основного объекта описания в Словаре русского языка XIX века³.

¹ Палевская М. Ф. Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века. Кишинев, 1980.

² Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1989. С. 77, 89, 90 и др.; Идеографии историко-этимологический анализ фразеологии // Вопросы языкознания. 1995. №4. С. 6.

³ Словарь русского языка XIX века. Проект. СПб., 2002. С. 84.

© В. Н. Калиновская, 2005

О продуктивности выбранной для анализа фразеологической модели (моделей) в начальный период становления норм русского литературного языка «нового времени» свидетельствует чрезвычайно разнообразие структурно-семантических вариантов, функционировавших в текстах XIX в. Однако первые случаи употребления подобных фразеологизмов можно наблюдать уже при обращении к более ранним источникам — текстам XVIII в. (по данным Картотеки Словаря русского языка XVIII в.). Обзор языкового материала в широких временных рамках (XVIII–XIX вв.) позволяет сделать заключение о высокой степени моделируемости базовой структуры, сформировавшейся в литературно-письменном языке во второй половине XVIII в. (в статье вопросы этимологии исходной структуры не рассматриваются) и получившей столь необыкновенное развитие в последующую эпоху. По мнению исследователей, варьирование компонентов, входящих в структуру фразеологизма, есть следствие *актуализации* его семантики, что обусловлено экстралингвистическим фактором⁴.

Вынуждены отметить, что многочисленные фразеологизмы, возникшие в литературном языке в наблюдаемый исторический период как результат «последовательного фразеологического варьирования», отражены современными словарями не в полном объеме. Историко-культурная направленность Словаря русского языка XIX века, нового лексикографического проекта Института лингвистических исследований РАН (Словарный отдел), предполагает учет всех значимых в указанном аспекте фразеологических единиц.

В данной статье речь пойдет о фразеологических единицах, одинаковых с формальной точки зрения, т. е. образованных по одной структурной (синтаксической) модели, и с общим неизменным структурно-семантическим (лексическим) компонентом *нога*. Прежде всего прокомментируем факты, извлеченные нами из нескольких современных словарей: 1) ФСРЯ: *на большую (барскую) ногу (устар.)*, *на широкую ногу* ('роскошно'); *на холостяцкую (холостую) ногу* ('скромно, без излишеств'); 2) ФСРЛЯ: *на какой ноге (устар.)*; *на приятельской ноге (устар.)*; *на хорошей ноге (устар.)*; *не на такой ноге (устар.)*; *на барскую ногу (устар.)*; *на короткую ногу (разг. экспрес.)*; *на хорошей ноге (устар.)*; *не на такой ноге*

⁴ Мокиенко В. М. Славянская фразеология. ... С. 241 и след. Автор называет актуализацию «необходимым условием функционирования фразеологизмов как экспрессивных средств языка».

(устар.); на барскую ногу (устар.); 3) БАС: на короткой (дружеской) ноге, на короткую (дружескую) ногу; на ровной (равной) ноге, на ровную (равную) ногу; на одной ноге; на родственной ноге, на родственную ногу; на широкую (большую и т. п.) ногу; на холостую (холостяцкую) ногу; на тонкой ноге; 4) МАС: поставить (или организовать и т. п.) что на какую ногу (у И. С. Тургенева на европейскую ногу); на равной ноге; стать на дружескую (или короткую) ногу; быть на дружеской (или короткой) ноге; на широкую (или большую, барскую) ногу.

Как видно из приведенных примеров, указанные словари отличаются не только полнотой представления фразеологизмов, имеющих сходство структурно-семантических признаков, но и по-разному оценивают один и тот же фразеологизм.

Из двух фразеологических словарей разнообразием представленных вариантов отличается ФСРЛЯ, что напрямую связано с определением временных границ современного русского литературного языка. В этом отношении словарь совпадает с БАС. В то же время, в отличие от него, ФСРЛЯ характеризует описываемые языковые факты, наиболее последовательно учитывая моменты диахронии, поэтому из всего списка фразеологизмов только один (закрепленный за разговорным стилем) не имеет пометы *устар.* Не выделен в самостоятельную статью фразеологизм *на широкую ногу* (в качестве синонима в структуре определения *на барскую ногу*).

ФСРЯ, ориентированный прежде всего на современное употребление, дает нам *на большую (барскую) ногу* с пометой *устар.* и в то же время выделяет в самостоятельную словарную статью фразеологизм *на широкую ногу*, определяя их одинаково и тем самым указывая на нормативность последнего. Академические толковые словари (БАС, МАС) не дифференцируют приведенные фразеологизмы в диахроническом аспекте, однако отмечают структурно-семантическую доминанту в ряду варьирующихся компонентов, например: *на широкую (или большую, барскую) ногу* (МАС). Таким образом, опираясь на данные современных словарей, мы уже имеем как бы вектор тех изменений, которые происходили в XIX в. в системе языка в указанной области, динамику которых призван отразить новый словарь.

Семантический анализ всего имеющегося в словарях материала (фразеологических единиц, образованных по стереотипной структурной схеме) позволяет выделить несколько «фразеологических

серий», вариантность внутри которых связана с актуализацией определенного семантического признака. Так, можно сгруппировать фразеологизмы с типовым значением 'в каких отношениях (быть, находиться) с кем-л.' (*на ровной / равной / одной ноге, на ровную / равную ногу; на родственную / дружескую / короткую ногу, на родственной / дружеской / приятельской / короткой ноге*), вторую значительную группу составят устойчивые словосочетания с общим стереотипным значением 'на какой лад, «манер», по какому образцу (жить, поставить или организовать что-л.)' (*на большую / барскую / широкую ногу; на хорошей ноге; не на такой ноге; на холостую (холостяцкую) ногу; на тонкой ноге; на какую ногу* (у Тургенева *на европейскую ногу*) (полужирным курсивом выделены компоненты, являвшиеся доминантой на разных этапах функционирования фразеологизма. — В. К.).

Из приведенного перечня фразеологических единиц в материалах Картотеки Словаря XVIII в. находим примеры первого употребления устойчивых сочетаний *на дружеской ноге* (1784), *на хорошей ноге* (1788), *на такой ноге* (1784)⁵. В письменных источниках первой половины столетия такие конструкции не встречаются. Отметим также первую лексикографическую фиксацию фразеологического оборота *поставить себя на такой ноге* в двуязычном словаре конца XVIII в. в качестве перевода соответствующей конструкции французского языка *se mettre sur le pied* (ФРЛ¹ 1786).

Другие случаи реализации данной структурно-фразеологической схемы связаны с актуализацией общей семантики (определяемой спецификой грамматической формы и семантикой компонентов — в их составе только одно полнозначное слово) через контекст: это варианты *на какой* (1773) / *этой* (1795) / *такой* (1774) (*же*) *ноге; на эту ногу* (1795); (*не*) *на той* (1794) / *иной* (1786) *ноге* в сочетании с придаточным предложением или сравнительным оборотом. Таких употреблений большинство — это самые ранние случаи функционирования рассматриваемой структурно-фразеологической модели; ее специфика заключается не в грамматической форме (адвербиальное словосочетание *на босу ногу* отмечается в источниках XVI–XVII вв.), а в семантике, которая свя-

⁵Все примеры, касающиеся языковых фактов XVIII в., приводятся по материалам Картотеки Словаря русского языка XVIII века (ИЛИ РАН). Цифры в скобках означают датировку источника, в котором данное употребление зафиксировано.

зана с реализацией переносного значения у существительного *нога*, не свойственного русскому языку 'образец, пример' (наличие переносных значений у слова *нога* — 'линейная мера' и 'стихотворная стопа' — было временным явлением, ограничивалось XVIII в. и объясняется иноязычным влиянием: ср. фр. *piéd*, лат. *pes*). Вместе с тем, можно говорить о нарастающей к концу века тенденции — увеличении числа примеров с актуализацией семантики через прилагательное, благодаря чему создаются условия для формирования новых «фразеологических серий»: *на Французской ноге* (1784), *на благородной ноге* <воспитанной> (1793). Как показывает БАС, XIX в. дает нам развитие фразеологической модели в вариантах с актуальным для новой эпохи лексическим компонентом: *на европейской ноге* (И. С. Тургенев), *на тонкой ноге* (Ф. М. Достоевский).

Присутствие оценочного компонента в семантике актуальных контекстов в дальнейшем способствовало постепенному формированию переносных значений и эволюции самой фразеологической единицы в сторону закрепления одного из вариантов за счет усиления экспрессивности, а также абстрактности значения (выбор инварианта на основе категориальных признаков фразеологической единицы). Необычайно широкая вариантность, наблюдаемая в рамках отдельных фразеологических моделей, была существенной чертой этого процесса.

Привлечение более широкого круга источников XIX в. позволяет значительно дополнить картину варьирования фразеологических единиц внутри ряда.

Прежде всего выделим те фразеологические серии, которые представляют собой варьирование одной и той же структурно-семантической модели 'на какой-л. лад, манер; по какому-л. образцу (делать, сделать что-л.)': I. (*Поставить, делать, выстроить, затеять*) *на большую (барскую, широкую, щегольскую, обширную) ногу*. II. (*Поставить, стать, жить*) *на хорошую (твердую, настоящую, порядочную, приличную, серьезную, прекрасную, высшую) ногу*. III. (*Поставить*) *не на ту (иную, новую, лучшую) ногу*.

Несколько подробнее рассмотрим первый структурно-фразеологический ряд, состоящий полностью из новаций XIX в.: его образуют варианты с актуализацией семы «величина, размах, интенсивность (действия)»; анализ контекстов с единицами этого ряда

позволяет предварительно установить некоторые закономерности в их функционировании.

Во-первых, отметим наибольшую частотность употребления образований с компонентами *большую / широкую* с такой динамикой развития: фразеологизм *на большую ногу*, предположительно, начинает встречаться в текстах уже в 20–30-е годы: <В. Одоевский> занимал в Машковом переулке (на углу Большой Миллионной) скромный флигелек, но тем не менее у него все было *на большую ногу*, внушительно (сочин. неизв. автора 30-х годов); Я побегал в контору дилижансов Лафитта, Кальера и компании, и взял первое место в карете, отправляющейся в Блуа. Это заведение устроено *на большой ноге* (И. Греч); Новость хозяйственного заведения, которое теперь у нас разводится *на большую ногу*. . . заставило меня трудиться кровавым потом в продолжение последних двух лет (А. Бестужев — А. Д. Казимирскому, переписка 1842 г.)⁶. Уже к середине века в двух словарях, которые можем считать авторитетными с точки зрения кодификации нормы XIX в., зафиксированы варианты одного и того же фразеологизма, не встретившегося нам в источниках XVIII в.: Сл. Акад. 1847) отмечает (*жить*) *на большой ногт* в зн. 'жить побарски'; его грамматический вариант с указанием на происхождение (*с немецк.*) находим у Даля: *жить на большую (барскую) ногу* в зн. 'роскошно, побарски (написание приводим в орфографии источника. — В. К.)' (Даль)⁷. До этого момента выражение встречается лишь в переводных словарях: разные редакции Французско-русского словаря под ред. И. Татищева (ФРЛ) дают *на широкую ногу* как перевод с фр. *sur un grand piéd* в структуре значения (4) слова *piéd* 'mesure (фут)'. Однако можно констатировать, что к середине XIX в. именно варианты с компонентом *большой / большую* получили наибольшее распространение в русском литературном языке и обрели статус нормативной единицы, который сохраняли на протяжении всего столетия. Данный фразеологизм широко употребляется Тургеневым (Он жил *на большую ногу*, увеличил и отделал дедовские хоромы великолепно, выписывал ежегодно из Москвы тысяч на пятнадцать вина. Гамлет

⁶ Контексты XIX в., не имеющие отсылки к конкретному источнику, взяты преимущественно из материалов Большой картотеки БАС, а также картотеки Словаря русского языка XIX века (новый проект).

⁷ См. также: Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова. 2-е изд. М., 1896. С. 114 (ср. нем. Auf einem grossen Fuss leben).

Щигр. уезда. 1847), встречается у Достоевского (Сумерки полные. Сахон — деревнюшка жалкая. Но отелей много и *на большую ногу*. Сейчас объявили (без спросу моего), что тут рулетка и не угодно ли на рулетку. Ф. М. Достоевский — А. Г. Достоевской, переписка 1867) и Н. С. Лескова (Ну, а наверху, сейчас по этакой лестнице — широкая-преширокая лестница и вся цветами установлена — тут сама старуха, как тетеря на токовище, сидит с маленькими детьми, и гувернеры-то эти там же. Ну, знаешь уж, как *на большую ногу* живут! Воительница. 1875), а также в письмах Л. Н. Толстого (Мне кажется, что никакое дело не может так затянуть в долги, как издание. Гуревич кончила 200 тысяч долга. Да и зачем это... зачем начинать *на такую большую ногу*? Надо начинать с маленького, и если маленькое поведется успешно, понемногу расширять. Л. Н. Толстой — В. Г. Черткову, переписка 1899). То, что фразеологизм довольно часто встречается в текстах эпистолярного жанра, весьма показательно для характеристики его стилистической принадлежности и окраски.

Фразеологизм *на большую ногу* сохраняет свою активность в литературном языке вплоть до 70-х годов XIX в., именно к этому времени относятся первые случаи употребления *на широкую ногу*, который обнаруживаем у И. А. Гончарова (Губернаторский дом был убран со вкусом и поставлен *на широкую, щегольскую ногу*...), в текстах произведений Л. Н. Толстого (Так было и с Евгением. Поселившись теперь в деревне, его мечта и идеал были в том, чтобы воскресить ту форму жизни, которая была не при отце — отец был дурной хозяин, но при деде. И теперь и в доме, и в саду, и в хозяйстве он, разумеется, с изменениями, свойственными времени, старался воскресить общий дух жизни деда — все *на широкую ногу*, довольство всех вокруг и порядок и благоустройство... Дьявол. 1889); у Ф. М. Достоевского новая единица языка (Высокие, большие, светлые комнаты... и мебель... мягкая, комфортная, обильная, *на самую широкую ногу*; ковры, резное дерево и статуэтки... Подросток. 1875) еще варьируется с фразеологизмом *на большую ногу*, даже при употреблении в одном произведении (ср.: Меня в дом к нему и не пускали (*на большую ногу* жил, затем что были руки длинные!), — а тоже, может быть не ошибкой, родным сыном считал... Подросток), а в текстах А. П. Чехова новый фразеологизм становится уже *нормой* (Если мы поставим дело *на широкую ногу*, выпишем из Англии двух-трех хороших жеребцов... Иванов. 1887;

У нее <Кати> своя лошадь и новенький шарабан, купленный этим летом. Вообще живет она *на широкую ногу*: наняла дорогую дачу-особняк с большим садом и перевезла в нее свою городскую обстановку, имеет двух горничных, кучера... Скучная история. 1889; Между Вторым и Третьим Арково находится Арковский Станок... Это почтовая станция или постоялый двор. Если мерить на наш русский аршин, то, при здешней довольно скромной гоньбе, достаточно было бы на Станке двух-трех работников при одном надзирателе. Но на Сахалине любят все *на широкую ногу*. Кроме надзирателя, на Станке живут еще писарь, рассыльный, конюх, два хлебопека, три дровотаска и еще четыре работника, которые на вопрос, что они тут делают, ответили мне: «Ношу сено»... Остров Сахалин. 1893–1894; В Таганрогской городской библиотеке открывается справочный отдел *на широкую ногу*... А. П. Чехов — Ал. П. Чехову, переписка 1896).

К началу XX в. становится очевидным, что фразеологизм с компонентом *широкую* становится более предпочтительным в качестве нормативного инварианта и завершает этап формирования фразеологической единицы, в то время как его конкурент *на большую ногу* остается в разговорной сфере употребления (ср.: Американцы, как известно, славятся стремлением делать все *на широкую ногу*. Нигде в мире нет таких огромных домов, таких двадцатипятиэтажных «небоскребов», как в Соединенных Штатах, нигде кроме Америки нет таких колоссальных промышленных предприятий, как знаменитые «тресты» Моргана, Вандербильта и пр. В конце концов, даже военно-морские силы, которыми Америка прежде не могла похвалиться, нынче достигают у американцев крупных размеров... броненосец Северо-Американских Штатов «Коннектикут», уже побил всемирный рекорд в смысле грандиозности и военной мощи⁸; Описываемое состязание автомобилистов было *затяжно на большую ногу*⁹).

Что касается других случаев варьирования прилагательного в пределах структурно-семантической серии, то все они представляют собой *актуализацию* более общего значения фразеологической модели и могут быть интересны прежде всего в социокультурном аспекте. Вариант с прилагательным *барский* не мог претендовать

⁸Нива. 1903. №48. Цит. по: Нива. Петербург-1903. СПб., 2004. С. 648.

⁹Там же. С. 343.

на роль доминанты по причине актуальности семантики, ограниченной конкретным историческим периодом. Его возникновение (Дом был поставлен *на истинно-барскую ногу*. В. Ф. Одоевский. Привидение. 1838) скорее всего связано с действием нескольких факторов: во-первых, с актуализацией социокультурной семантики — например, у Достоевского (Была у него одна только страсть или, лучше сказать, одно горячее желание: это — иметь свой собственный дом, и именно дом, выстроенный *на барскую*, а не на капитальную *ногу* (выделено нами. — В. К.)... Село Степанчиково... 1859) наблюдается усложнение семантики значимого компонента; а кроме того, необходимо учитывать и возможность иноязычного влияния (см. в указанном труде Михельсона попытки этимологизации исходной семантики на основе историко-культурных параллелей из других языков).

С действием экстралингвистического фактора связаны и отмеченные впервые в 40-е годы XIX в. фразеологизмы *на коммерческую ногу / на коммерческой ноге (поставить, завести)*; *на меркантильную ногу (идти)*: Нет, если место у тебя по коммуникациям и выгодное для фабрики, есть... главное дело, чистый свободный капитал... заводи ее *на коммерческой ноге*, как бы в самой Москве, на Кузнецком мосту... В. А. Соллогуб. Тарантас. 1840; В наше время, когда пошло все *на меркантильную ногу*, что тут наши эпoletы... А. Ф. Писемский. Финансовый гений. 1876; Оно [лжесвидетельство] даже поставлено ныне *на правильно организованную коммерческую ногу*, — имеет известных антрепренеров, нанимающих достоверных лжесвидетелей и официальных сплетников... Н. С. Лесков. Еврей в России. 1884).

Нельзя не отметить еще одну особенность: благодаря тому, что «свободный» варьирующийся компонент в составе фразеологической модели выполняет оценочную функцию, эта актуальная оценочная семантика у некоторых новаций XVIII–XIX вв. начинает преобладать над основным, прямым значением (ср. развитие значений у слова *меркантильный* в XIX в.). Иногда автор «распространяет» исходную конструкцию, привнося в нее дополнительную, оценочную семантику из контекста, например: у Гончарова обнаруживаем уточнение значения нового фразеологизма через соположение прилагательных *на широкую, щегольскую ногу*, что свидетельствует о появлении новой семантической единицы ‘роскошно’ (см. определение значения фразеологизма в современных словарях).

Актуализация оценочного компонента наблюдается также в таких фразеологических сочетаниях новой структуры, как *на демократическую ногу* (Наконец, это были те самые шторы, которые, прежде всех других предметов роскоши, находившихся в доме Бизюкиных, смущали вчера самое Данку и смущали до такой степени, что она, начиная приводить свой дом на демократическую ногу, при известии о прибытии Термосёсова и Борноволокова, первым долгом сочла снять и убрать при помощи Омнепотенского эти шикарные шторы... Н. С. Лесков. Божедомы), в качестве коннотации к основному значению — в сочетаниях *на холостую (или семейную) ногу* (<Пекарский> был вдов и детей не имел, но жизнь вел на широкую, семейную ногу и платил за квартиру три тысячи в год... А. П. Чехов. Расск. неизв. человека; [Иван Михайлович:] Потом поедете вы к нему. Отец с матерью, как водится, не поедут. У него, должно быть, чай будет... так, знаешь, конфекты там, фрукты для барышень, ну, бульончик в чашечках, рыба, что-нибудь *на холостую ногу*... Л. Н. Толстой. Зараженное семейство. 1864). Из приведенных контекстов видно, что формирование оценочной семантики у фразеологических единиц способствовало установлению антонимо-синонимичных отношений между отдельными вариантами (*широкую, семейную — холостую, демократическую*).

Свободная моделируемость единиц в пределах базисной модели (*на какую ногу* в значении ‘на какой-л. лад, манер; по какому-л. образцу’), наблюдаемая в текстах XIX в., делала возможными и окказиональные, единичные случаи употребления фразеологизмов: *на офицерскую ногу* (Мы его звали «дядюшкой», а он нас за это бил. Калатузов держал себя «на офицерской ноге». Держать себя на офицерской ноге в наше время значило: не водиться запанибрата с маленькими, ходить в расстегнутой куртке, носить неформенный галстук, приподниматься лениво, когда спросят, отвечать как бы нехотя и басом, ходить вразвалку... всегда в каждом заведении тогдашнего времени, к которому относится мое воспитание, были ученики, которые умели ставить себя «на офицерскую ногу», и им это не воспрещалось... Н. С. Лесков. Смех и горе. 1871); *на полукрытую ногу* (Княгиня должна была сделать с княжною несколько визитов двоюродным сестрам своего покойного мужа и некоторым его старым светским приятелям, — те в свою очередь, разумеется, отдали бабушке эти визиты, и реставрированные таким образом знакомства в самое короткое время поставили ее дом на полук-

крытую ногу... Н. С. Лесков. Захудалый род. 1874); *на зимнюю ногу* (Жизнь наша, впрочем, еще не стала на зимнюю ногу. Я пишу книжку (и, кажется, будет толк), но это не работа. Больше же езу на охоту с Сашей... Л. Н. Толстой — Т. А. и А. М. Кузьминским, переписка. 1871).

Не можем не привести примеры еще одного фразеологического варианта: *на прямую* (или *смелую*) *ногу* (В неистощимой агонии предстал наш герой перед кресла Олсуфия Ивановича. «Как мне теперь? — подумал он про себя. — Разумеется, этак все *на смелую ногу*, то есть с откровенностью, не лишенную благородства...» Ф. М. Достоевский. Двойник; — Верю-с, — отвечал Термосёсов. — Я не о том и говорю, кто приятен, а о том, кто особенно неприятен. Извините, что я так говорю прямо. Я люблю прямо дело ставить, *на прямую ногу*. Какого вы, например, мнения о протопопе Туберозове? Н. С. Лесков. Божедомы). Сама возможность подобной сочетаемости слова «нога», как показывают материалы Картотеки Словаря русского языка XVIII века, потенциально оформилась еще в предшествующий период (ср.: В таковых разрядах *смълюю* и *модною ногою* выступайте надежно в большой свѣт... Н. Н. Страхов. 1791).

Будучи ограничены рамками данной статьи, не имеем возможности подробно проанализировать другие фразеологические серии. Ограничимся в отношении их самыми общими замечаниями. Вариантность в рамках выделенной нами второй серии фразеологизмов связана с актуализацией общей для вариантов семы 'достойно, в соответствии принятому за образец социальному идеалу', варианты третьего ряда можно было бы объединить общим значением 'по-новому'. Моделируемость вариантов указанной семантики значима, прежде всего, в социокультурном аспекте, поэтому в словаре историко-культурного типа, каким должен явиться, по замыслу разработчиков, «Словарь русского языка XIX века», даже случаи окказионального употребления найдут свое отражение. В каждом из указанных рядов наблюдаются те же тенденции, что были отмечены для первой фразеологической серии: пик вариантности, проходящий на середину века (40–70-е годы), формирование лексико-семантической доминанты среди варьирующихся компонентов, снижение интенсивности процесса варьирования к концу века.

Наибольшую трудность во фразеологии представляют вопросы этимологии того или иного фразеологизма, и эта область оказы-

вается менее всего разработанной. В данном конкретном случае, говоря о развитии в русском языке фразеологических сочетаний на базе основной модели *на какую ногу / на какой ноге*, можно утверждать о влиянии иноязычных источников. Материалы Картотеки Словаря XVIII в. дают нам начало этого процесса: *на хорошей ноге*, *на дружеской ноге*; *на готовой ноге*; *на военную* (*оборонительную*) *ногу* и т. д. Данные Французско-русского лексикона, составленного Ив. Татищевым, первое издание которого появилось в 1786 г., включало толкование таких французских фразеологизмов, которые могут свидетельствовать о влиянии французского языка: *être sur un bon pied*, *sur le pied de guerre*, *sur un pied d'égalité*, *sur un grand pied* (буквально быть в хорошем состоянии, на военный лад, на равной ноге, на широкую ногу). В очередном подготовленном выпуске Словаря XVIII века все подобные примеры, вошедшие в употребление в XVIII в., будут объединены в одну строку с общим значением: *на какой ноге* (*быть, стоять, находиться...*); *на какую ногу* (*стать, поставить...*) в значении 'на каком-л. положении; в каком-л. отношении'. Такое представление языкового материала актуально для словарей исторического типа; как уже отмечалось, подобная модель описания материала характеризует процесс варьирования как открытый для пополнения ряда новыми единицами. Помимо сочетаний с прилагательным, актуализирующим значение фразеологизма, в текстах этого периода присутствуют варианты с местоимением *на (какую) такую ногу*, например: [Графу Н. И. Панину] велѣно... опорожнить тѣ <покои>, гдѣ он жил... Бог знает, гдѣ граф будет жить и на какой ногѣ. Этот самый ранний случай употребления фразеологизма по указанной модели взят из переписки Н. Фонвизина с сестрой (1773). Примечательно, что подавляющее число примеров употребления указанных фразеологизмов в текстах XVIII в. встречается в цитатах из произведений эпистолярного жанра, либо в текстах деловых бумаг, а также в составе драматических произведений (в языке комедий); учитывая «дву-», а иногда и «многоязычность» авторов текстов, эта особенность функционирования устойчивых сочетаний может свидетельствовать о заимствованном происхождении, а также о преимущественно разговорном характере конструкций.

В XIX в. фразеология данного семантического поля продолжает формироваться; отметим наличие вариантных рядов: *стать на*

короткую ногу; (быть) на дружеской (приятельской, товарищеской, близкой, короткой) ноге.

Кроме уже указанного значения, наблюдается актуализация семы 'на равных (об отношениях)': (поставить, стать, становится, сходиться) на равную (одну, одинаковую) ногу; (быть, стоять, держать, считать) на равной (ровной, высшей, другой) ноге.

Частным случаем семантического варьирования можно считать вариантность в границах значения 'независимо, с достоинством': (поставить) на свободную (обидную) ногу. Кроме того, в текстах XIX в. продолжают употребляться и фразеологические сочетания (быть) на (такой, какой) ноге; (стать) на (такую) ногу; (ставить, стать, поставить) на (какую) ногу; (стать) на (свою) ногу.

Взятые из разных источников примеры позволяют сделать некоторые предварительные замечания относительно особенностей функционирования новых фразеологических единиц в текстах XIX в.: о формировании синонимических отношений между вариантами с доминантой ряда (*дружеский* — *приятельский* — *товарищеский*; *близкий* — *короткий*), о контаминации фразеологических единиц (рядов), о появлении в структуре фразеологизма оценочного компонента (*самый*; *очень*; *такой*, *как*).

Распространению фразеологизмов, образованных по указанной модели (*на какую ногу / на какой ноге*), способствовали экстралингвистические причины (к уже сделанному комментарию можно добавить, что в формировании новых единиц активное участие принимали лексические неологизмы этого периода) и причины собственно языковые: очевидно, что развитие фразеологизмов адвербиального типа (по своим грамматическим свойствам) шло в русле общей тенденции (актуальной в рассматриваемый период) интенсивного формирования качественных наречий как лексико-грамматического разряда слов. Дальнейший процесс снижения активности данной фразеологической модели частично можно объяснить параллельным распространением соответствующих им по значению наречий на -о, -ски, -ому и т. п., образованных от тех же прилагательных, которые входили в состав фразеологизма «в качестве актуального варьирующегося компонента». Продуктивность указанной структурно-фразеологической модели в XIX в. и открытость вариантных рядов, связанные с присутствием социокультурного фактора (оценочный компонент) потребуют при описании подобного материала в словаре исторического типа от составителей

особого подхода (наша точка зрения на этот счет излагалась в начале статьи).

Сокращения

БАС — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 7. М.; Л., 1958.

Даль — Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М., 1865.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. М., 1986.

Сл. Акад. 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. Вторым отд. Акад. наук. Т. 1–4. СПб., 1847. Т. 2.

Страхов — Страхов Н. И. Карманная книжка для приезжающих в Москву. М., 1791.

ФРЛ — Полной французской и российской лексикон, изд. И. Татищевым. 1-е изд. СПб., 1786. Т. 1; а также см.: Французско-русский словарь / Под ред. И. Татищева. 3-е изд. СПб., 1839–1841. Т. 1.

ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. 6-е изд. СПб., 2001.

ФСРЛЯ — Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в. / Сост. А. И. Федоров: В 2 т. Новосибирск, 1991. Т. 1.

В. В. Колесов

УМ И РАЗУМ В ДРЕВНЕРУССКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

В «Повести временных лет» по Лаврентьевской летописи 1377 г. (Лавр.) слово *умъ* употребляется всего 9 раз, в определенно однозначном смысле: (обры) тѣломъ велици и умомъ горди (46), «Да что ума придасте?» (366); постное бо время очищаетъ умъ (62); мало постоявъ и раслабленъ умомъ (64), но простъ мужь умомъ (68); мужь книженъ, но умомъ простъ (696), Святополкъ же смятеся умомъ (87), рекохъ в умѣ своемъ (896), Аврамъ же, пришедъ въ вумъ, възрѣ на небо (306) и образованное от него прилагательное 1 раз — плоть съдушну, словесну же и умну (39). Ум — способность мыслить. Никаких переносных значений пока нет, воздействия со стороны значений соответствующих греческих слов незаметно.